

Максимов Александр Яковлевич

**На Далеком Востоке. Полное
собрание сочинений**

Книга 10

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
А46

А46 **Александр Яковлевич М.**
На Далеком Востоке. Полное собрание сочинений: Книга 10 / Максимов Александр Яковлевич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 310 с.

ISBN 978-5-519-94876-0

ISBN 978-5-519-94876-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

лявшихъ въ своемъ воображеніи моряковъ въ видѣ неуклюжихъ, коренастыхъ парней, непремѣнно выпачканныхъ въ смолѣ, и любящихъ прибавлять къ своей рѣчи разныя морскія термины...

Моряки заполонили рѣшительно всѣхъ, въ томъ числѣ и Марусю, вообще очень разборчивую. На нихъ сосредоточивалось общее вниманіе, причемъ, конечно, не малое значеніе имѣли въ глазахъ всей молодежи блестящіе гардемаринскіе аксельбанты, на которые барышни заглядывались съ нескрываемымъ восхищеніемъ, а гимназисты и кадеты—съ весьма естественною завистью. Аксельбанты эти раззадорили многихъ юношей и возбуждали въ нихъ жгучее, непреклонное желаніе поступить непремѣнно въ морское училище. Въ числѣ этихъ юношей оказался и младшій Марусинъ братъ Коля, который въ тотъ-же вечеръ сообщилъ о своемъ рѣшеніи матери, встревоживъ ее чуть не до обморока, такъ какъ это рѣшеніе шло совершенно въ разрѣзъ съ отцовскимъ желаніемъ видѣть младшаго сына адвокатомъ. Что касается Маруси, ей очень понравилась мысль брата сдѣлаться морякомъ, хотя о морской службѣ она не имѣла рѣшительно никакого представленія. Она никогда не видѣла даже моря, а съ моряками встрѣтилась въ первый разъ; но ей почему-то вдругъ показалось, что наиболѣе благородная карьера—именно морская, что моряки—лучшіе люди въ мірѣ, а ихъ мундиръ изящнѣе всѣхъ остальныхъ. Вотъ почему Маруся поспѣшила поощрить брата въ его неожиданномъ намѣреніи сдѣлаться морякомъ, при чемъ посоветовала итти къ намѣченной цѣли твердыми, непреклонными шагами. Советъ этотъ былъ данъ не даромъ: Маруся хорошо знала, что безъ борьбы съ отцомъ не обойдется...

Изъ десятка моряковъ, бывшихъ на вечерѣ Самохваловой, особенно заинтересовали Марусю четверо: Ивановъ, Вредскій, Антоновъ и Корневъ. Первые два оказались превосходными пѣвцами. Они пѣли преимущественно дуэты, исполняя ихъ артистически, съ рѣдкимъ

вкусомъ и удивительною задушевностью; пѣніе товарищей произвело на Марусю сильное впечатлѣніе. Она слушала, затаивъ дыханіе. Съ какимъ глубокимъ чувствомъ гудѣлъ мягкій баритонъ Иванова; какъ восхищенно сливался въ чудную гармонію чрезвычайно симпатичный теноръ Вредскаго, съ большимъ искусствомъ владѣвшій своимъ чарующимъ голосомъ. Особенно хорошо спѣли они превосходный дуэтъ „Не искушай меня безъ нужды“. Она не спускала съ пѣвцовъ глазъ; очарованная дивными звуками, она сидѣла не шелохнувшись; мысли ея уносились куда-то далеко—далеко; сердце то трепетало, то замирало, переполненное сладостнымъ упоеніемъ и восторгомъ...

Маруся вспоминала о товарищахъ-пѣвцахъ съ восхищеніемъ. Оба нравились ей почти одинаково, хотя между ними былъ большой контрастъ. Ивановъ, очень рослый, атлетически сложенный молодой человекъ, имѣлъ открытое, полное, румяное лицо; его небольшіе голубые глаза глядѣли кротко, ясно, спокойно и скромно. Бѣлокурые, вьющіеся волосы, зачесанные назадъ, открывали большой лобъ съ наслѣдственной, по видимому, лысиной, придававшей безбородому, юному лицу Иванова неотразимо симпатичное выраженіе. Слегка вздернутый, маленькій носъ вполне гармонировалъ тонкимъ, красиво очерченнымъ губамъ.

Вредскій, напротивъ, былъ коренастый, нѣсколько сутуловатый, средняго роста, брюнетъ съ довольно крупной головой, сидѣвшей на короткой шеѣ, между приподнятыми немного плечами. Густые волосы красиво курчавились на вискахъ и беспорядочно ниспадали на низкій, выпуклый лобъ. Скуластое, худое лицо, большой ротъ съ чувственными губами, мясистый, крупный носъ скрашивались чудными глазами, полными огня, страсти и энергіи. Глаза эти, съ перваго же момента встрѣчи, произвели на Марусю удивительное впечатлѣніе. Ей хотѣлось глядѣть въ нихъ не отрываясь. Она чувствовала во взорѣ Вредскаго неотразимую силу, неудержимо

привлекавшую ея собственный взоръ. Маруся всегда угадывала, когда Вредскій сосредоточивалъ на ней свое вниманіе, какъ будто любуясь красавицей дѣвушкой. Этотъ упорный, сосредоточенный взглядъ возбуждалъ въ ней совершенно новое состояніе. Невольный, нервный трепеть пробѣгалъ по всему ея тѣлу каждый разъ, когда глаза ея встрѣчались съ глазами Вредскаго; но черезъ секунду она впадала въ какое-то странное, спокойное, отчасти сонливое состояніе, при чемъ ощущала безотчетное, но неотразимое влеченіе къ молодому человѣку. Подобное состояніе повторялось нѣсколько разъ втеченіи вечера... Вспоминая все это, Маруся положительно не могла уяснить себѣ, что именно творилось съ нею и почему, подъ обаяніемъ взора Вредскаго, она испытывала нѣчто непонятное, необъяснимое...

Антоновъ произвелъ на Марусю совершенно иное впечатлѣніе. Это былъ красавецъ въ полномъ значеніи слова, съ классическими чертами чрезвычайно нѣжнаго, женственнаго лица и съ чуднымъ румянцемъ на щекахъ, слегка опушенныхъ, какъ персики. Большіе, выразительные, черные глаза, обрамленные густыми, загнутыми кверху рѣсницами, горѣли огнемъ глубокой, затаенной страсти. Небольшой ротъ съ прекрасными зубами, маленькія руки и ноги, стройная фигура и роскошная шевелюра, дѣлали вполнѣ понятнымъ предположеніе нѣкоторыхъ, что Антоновъ—красавица дѣвушка, передѣтая, ради шутки, въ мужское платье. Молодой морякъ сосредоточивалъ на себѣ общее вниманіе, а барышни положительно интересовались имъ. Одна только Маруся любовалась Антоновымъ со спокойнымъ сердцемъ и умомъ, какъ обыкновенно любитъ строгій цѣнитель какойнибудь изящной статуей или талантливо написанной картиной. Антоновъ казался ей черезчуръ холоднымъ и, какъ будто, хорошо выдрессировавшимъ себя красавцемъ. Молодой человѣкъ, очевидно, отлично сознавалъ свою обаятельную внѣшность, такъ какъ постоянно красовался, то играя глазами, то принимая разнообразныя позы. Говорилъ

онъ мало, но каждая его фраза была построена съ расчетомъ на эффектъ. Съ барышнями Антоновъ держалъ себя какъ то странно, горделиво, точно считалъ ихъ недостойными своей персоны. Даже къ Марусѣ онъ отнесся чрезвычайно равнодушно, что очень раздосадовало самолюбивую дѣвушку, привыкшую къ общему поклоненію и ухаживанью... Жгучая краска бросилась ей въ лицо отъ одного воспоминанія о томъ гордомъ пренебреженіи, съ которымъ перебросился съ нею Антоновъ нѣсколькими незначительными фразами.

— Гадкій, противный гордецъ! вырвалось у Маруси досадливое восклицаніе. И въ то-же мгновеніе ее охватило непреодолимое, страстное желаніе власти надъ нимъ:—О, съ какимъ удовольствіемъ я приковала бы его къ своей колесницѣ... Просто такъ... ради удовлетворенія самолюбія!..

Въ глазахъ дѣвушки загорѣлся злой огонекъ; ноздри ея расширились; щечки съ соблазнительными ямочками зардѣлись яркимъ румянцемъ... Какъ она была красива въ этотъ моментъ!.. Роскошные волосы кокетливо ниспадали природными кудрями на восхитительныя плечи, беспорядочно вились на лбу и вискахъ, придавая выраженію, крайне оживленнаго, лица какую-то демонскую прелесть. Да, Маруся была чрезвычайно красива: это все время твердило и зеркало, въ которое дѣвушка могла глядѣться, лежа на кровати. Маруся отлично знала, что она красавица: объ этомъ прожужжали ей уши, съ самаго юнаго возраста, рѣшительно всѣ—и домашніе, и родные, и знакомые. Она привыкла обращать на себя всюду общее вниманіе мужчинъ, привыкла видѣть ихъ всегда восхищенными... И вдругъ негодный мальчишка, какимъ казался ей теперь Антоновъ, осмѣлился выказать къ ней, царицѣ всѣхъ вечеровъ, полное пренебреженіе.

— Это не должно пройти ему даромъ! энергично рѣшила въ умѣ Маруся, сдвинувъ изящныя брови съ такимъ нервнымъ порывомъ, что между ними появилась

морщинка. Но вотъ ея лобъ разгладился подъ давленіемъ дальнѣйшихъ воспоминаній о прошедшемъ вечерѣ... Она несомнѣнно, заинтересовала многихъ, даже серьезнаго Вредскаго. Ивановъ, не смотря на свою скромность, явно выказывалъ ей полное преимущество предъ остальными барышнями; а Корневъ, этотъ прелестный, розовый, пухленькій юноша, съ прекрасными, веселыми, нѣсколько лукавыми глазами, не отходилъ отъ Маруси цѣлый вечеръ, съ увлеченіемъ отдавшись чарамъ внезапной любви, охватившей его существо...

Дѣйствительно, Маруся произвела на Корнева неотразимое впечатлѣніе. Съ перваго же момента встрѣчи съ нею, онъ сталъ ея рабомъ; втеченіе какого нибудь часа она побѣдила его разумъ и волю, раздула въ немъ неугасимый пламень глубокаго чувства и кипучей страсти. Юноша, охваченный неудержимымъ влеченіемъ къ дѣвушкѣ, въ тотъ же вечеръ признался ей въ своей горячей любви. Это признаніе было такъ неожиданно, что Маруся удивилась и даже обидѣлась, но вскорѣ убѣдилась, что Корневымъ руководило вполне искреннее чувство, ясно отражавшееся въ его честныхъ, прекрасныхъ глазахъ... Нашептывая слова любви въ каждую удобную минуту, втеченіе цѣлаго вечера, онъ, одновременно, молилъ о взаимности. Въ его дрожащемъ отъ волненія голосѣ слышались слезы... Маруся слушала и молчала, боясь сказать «да» и не рѣшаясь поразить юношу беспощаднымъ «нѣтъ». Восторженная, глубокая страсть, неожиданно заполонившая Корнева, чрезвычайно льстила самолюбію Маруси, но сердце оставалось спокойнымъ, невозмутимымъ и только при особенно трогательной мольбѣ о взаимности начинало биться немного чаще обыкновеннаго. Въ этотъ моментъ ей казалось, что гдѣ-то въ ней самой, въ невѣдомыхъ тайникахъ ея сердца, какъ будто, слышался отголосокъ этой мольбы, и она начинала чувствовать щемящую жалость къ симпатичному юношѣ, такъ мгновенно охваченному жгучимъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сладостнымъ

пламенемъ первой любви... И только одну жалость!.. Остальныя чувства, казалось, были поглощены властнымъ взоромъ Вредскаго, особенно пристально глядѣвшаго на Марусю въ минуты наибольшаго оживленія Корнева. Вредскій точно слѣдилъ за дѣвушкой, стараясь, какъ будто, уловить моментъ ея рѣшительнаго слова, но... оно не было сказано втеченіи цѣлаго вечера, несмотря на всѣ усилія влюбленнаго юноши. Только при прощаньи, когда Корневъ въ сотый разъ повторилъ свою мольбу отчаяннымъ, задыхающимся голосомъ, Маруся безсознательно шепнула въ его утѣшеніе:

— Любите и надѣйтесь...

Фраза эта сорвалась съ языка дѣвушки какъ то неожиданно, и Маруся ужасно сожалѣла теперь о своемъ легкомысленномъ поступкѣ. Зачѣмъ были сказаны эти слова, столь сладостныя Корневу, зачѣмъ?.. Марусѣ вдругъ представилось, что она затянула на себѣ, случайно вырвавшейся фразой, мертвую петлю, которую едва-ли удастся снять...

II.

Въ самый разгаръ Марусиныхъ мечтаній, въ комнату вошла мать, взволнованная и встревоженная. Въ ея глазахъ виднѣлись слезы. По красивому лицу пробѣгала нервная судорога. Дѣвушка пристально взглянула на мать и спросила:

— Что съ вами, мамочка?

— Наташа принесетъ намъ сейчасъ кофе... Я заставила прождать тебя, милуша, не по своей винѣ, — торопливо проговорила Татьяна Николаевна, видимо избѣгая отвѣтить на заданный вопросъ.

— Я спрашиваю: что съ вами?.. Что тамъ опять случилось? настойчиво повторила Маруся, съ особеннымъ удареніемъ на словѣ «тамъ».

— Ахъ, милуша!.. заплакала мать. — Отецъ очень сердится на Жоржа: опять вѣдь напроказилъ... Какой-то жидъ предъявилъ вексель на три тысячи рублей и требуетъ немедленной уплаты...

— Ну, и что-же?

— Отецъ рѣшительно отказался платить... Довольно, говоритъ, переплатилъ... Просто скандалъ!..

— А братъ?

— Жоржъ, по обыкновенію, не унываетъ, къ перепалкѣ отнесся, повидимому, хладнокровно и даже, представъ себѣ, посмѣивается... конечно, въ отсутствіи отца... Онъ увѣряетъ, что отецъ только кипитъ, а въ концѣ концовъ все таки заплатитъ.

— Конечно, заплатитъ! — нервно подтвердила Маруся.

— Ты думаешь!? — обрадовалась Татьяна Николаевна.

— Не думаю, а увѣрена, — отчеканила Маруся. — Отецъ непременно заплатитъ. Вы, можетъ быть, желаете знать почему?.. Потому, что братъ забралъ отца въ руки, делѣя его надежды завести болѣе прочное знакомство съ разными аристократами. Отецъ, вѣдь, ужасно тщеславенъ!.. Братъ знаетъ его слабую струнку и умѣетъ играть на ней съ большой сноровкой.

— Ахъ, какъ я буду рада, если твои слова сбудутся, — заговорила Татьяна Николаевна съ радостнымъ оживленіемъ. — Ты подумай, милуша, хорошенько: вѣдь, нельзя-же относиться къ нему черезчуръ строго: Жоржу хочется повеселиться; это такъ естественно въ девятнадцать лѣтъ. Онъ имѣетъ очень приличное знакомство: надо его поддерживать... Золотая молодежь любить немножко побаловаться, а вѣдь, для этого нужны деньги. Жоржъ, ты знаешь, не любитъ отставать отъ товарищей; въ то-же время его гордость не позволяетъ ему кутить на чужой счетъ, а отецъ даетъ недостаточно карманныхъ денегъ.

— Откуда-же отцу взять больше? — вспыхнула Маруся.

— У него деньги есть, но онъ только скарелничаетъ,—горячо перебила мать.—Подумай, на одни свои побочные расходы онъ издерживаетъ, мнѣ отлично извѣстно, болѣе пятисотъ рублей ежемѣсячно... Это ужъ черезчуръ много!.. Онъ долженъ умѣрить себя и дать возможность сыну...

— Покутить съ шелопаями въ какомъ нибудь великосвѣтскомъ кабацѣ, — подхватила Маруся презрительно.—Ахъ, мама, какая вы странная!.. Вы потакаете Жоржу во всемъ и только портите его. Отецъ балуетъ его въ свою очередь, поощряетъ мотать деньги, ради призрачнаго знакомства съ разными князьями, графами и баронами. И къ чему это знакомство!.. Что оно дастъ намъ!.. Рѣшительно ничего, кромѣ позора... Развѣ не стыдно отцу пресмыкаться предъ какими-то проходимцами, носящими громкіе титулы, давно втоптанные въ грязь!.. Конечно стыдно!.. Должно быть стыдно, стыдно!..—повторяла Маруся подавленнымъ голосомъ.

— Милуша, что съ тобой?.. Успокойся, ради Бога!—проговорила съ мольбою мать, крайне встревоженная неожиданнымъ нервнымъ возбужденіемъ дочери... Развѣ можно волноваться изъ за пустяковъ?..

— Нѣтъ, мама, не изъ за пустяковъ! — вспыхнула Маруся.—Мнѣ больно за отца и брата!.. Аристократическій міръ для нихъ—притягательная сила, страшная, неотразимая, поглощающая. Они стремятся куда-то въ высь, когда должны довольствоваться своимъ настоящимъ, хотя и скромнымъ, общественнымъ положеніемъ. Да, должны! Я, вѣдь, хорошо знаю, кѣмъ былъ отецъ, хотя вы тщательно скрывали это отъ меня, какъ будто опасаясь, что я стану презирать свое происхождение. Никогда... Напротивъ, я горжусь отцомъ, который изъ ничтожества сталъ человѣкомъ съ порядочнымъ служебнымъ положеніемъ, который добился этого положенія, насколько мнѣ извѣстно, безъ протекціи и поклоновъ, благодаря исключительно личнымъ достоин-

ствамъ и природнымъ способностямъ. Я уважаю за все это отца и мнѣ больно, повторяю, видѣть его въ погонѣ за шелопаями-аристократами, съ которыми онъ даже мечтаетъ породниться, выдавъ меня замужъ за какогонибудь князя или графа... Но этому не бывать!.. Никогда!.. Я предпочитаю носить любую плебейскую, но незапятнанную, фамилію, чѣмъ именовать себя какоюнибудь княгинею Гостилицкою и сгорать отъ стыда при мысли, что этотъ громкій титулъ, пріобрѣтенный славными предками кровью и заслугами предъ отечествомъ, уже втопанъ въ грязь вырождакомъ—моимъ мужемъ!..

Вошла горничная съ кофеемъ. Маруся смолкла и задумалась. Татьяна Николаевна, совершенно смущенная словами дочери, недвижно сидѣла въ креслѣ, забывъ о кофе. Она недоумѣвала; мысли ея какъ то расплывались, теряясь въ догадкахъ по поводу страннаго, возбужденнаго состоянія Маруси, вдругъ выскочившей изъ рамокъ обыденныхъ капризовъ. Съ капризами этими, весьма многочисленными и разнообразными, Татьяна Николаевна освоилась уже давно и признавала ихъ неотъемлемымъ правомъ дочери, избалованной съ пеленокъ. Она считала послѣднюю все еще ребенкомъ, и вдругъ этотъ ребенокъ неожиданно заговорилъ какимъ то особеннымъ языкомъ, рѣзкимъ, энергичнымъ и убѣдительнымъ.

„Что же это значитъ?“ вертѣлся въ головѣ Татьяны Васильевны неразрѣшимый вопросъ.

Между тѣмъ горничная, разставивъ на столикѣ кофейный приборъ, стала въ нерѣшительности, ожидая дальнѣйшихъ приказаній.

— Ступай, Наташа... Ты намъ не нужна, сказала Маруся, выйдя изъ раздумья.

Какъ только горничная вышла, она обратилась къ матери:

— Вы, мама, нерѣдко спрашивали меня, почему я впадаю иногда въ грустное настроеніе?.. Я могу те-

перь сказать вамъ. Сегодня мнѣ хочется, почему-то, пооткровенничать съ вами... Только не сердитесь на меня, если я стану говорить нѣсколько возбужденнымъ и даже, можетъ быть, рѣзкимъ тономъ... У меня расходились нервы, и я чувствую, что буду не въ силахъ сдержать себя... И такъ: можно пооткровенничать?..

— Я слушаю, милуша, покорно промолвила Татьяна Николаевна.

— Ваша родительская любовь, начала Маруся, имѣетъ странный характеръ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи меня и старшаго брата. Мы оба избалованы, отцомъ и вами, до-нельзя. Это не можетъ привести къ добру... Я чувствую, что подобное воспитаніе принесетъ намъ въ будущемъ одно несчастье и цѣлый рядъ горькихъ разочарованій... Результатъ вашего многолѣтняго баловства отчасти уже виденъ... Позвольте, позвольте, не перебивайте меня!.. Дайте мнѣ высказаться, и вы убѣдитесь, что я не преувеличиваю фактовъ... Начну съ брата Жоржа... Несмотря на свои блестящія способности, онъ съ трудомъ кончилъ гимназію; затѣмъ началъ метаться: раньше задумалъ итти въ университетъ, черезъ мѣсяць перешелъ въ технологическій институтъ, а теперь—мечтаетъ о поступленіи въ кавалерійскій полкъ. Его манятъ блескъ и мишура. Ему необходимы аристократическіе салоны, войти въ которые возможно только при извѣстныхъ знакомствахъ. Знакомства эти уже начались... Съ кѣмъ онъ проводитъ время и гдѣ? Вы не знаете?.. Нѣтъ. Ну, такъ я расскажу вамъ. Можетъ быть, вы интересуетесь также, откуда я все узнала?.. Отъ него самого... Онъ ужасный, откровенный болтунъ! Онъ знакомитъ меня со всѣми своими похождениями, потому что... я имъ интересуюсь. Жоржъ успѣлъ разъяснить многое, на что наталкивало меня мое воображеніе, возбужденное всевозможными французскими романами, прочитанными тайкомъ отъ васъ... Ахъ, вы за мной совсѣмъ не смотрѣли!.. Вы только баловали, баловали, баловали